

Архив русской мысли

DOI 10.25991/VRHGA.2020.19.1.009

УДК 091

*А. А. Ермичёв**

РУССКАЯ ПРЕССА О КОНЧИНЕ ВИЛЬГЕЛЬМА ВИНДЕЛЬБАНДА

Анализируется содержание публикаций в русской прессе, посвященных памяти немецкого философа В. Виндельбанда, скончавшегося в октябре 1915 г. Русские неокантианцы Б. В. Яковенко и С. Н. Гессен констатируют внесенные В. Виндельбандом элементы новизны в развитие европейской философии. С. Л. Франк, занявший позицию онто-гносеологизма, критически относится к нормативному идеализму В. Виндельбанда и отрицательно оценивает его националистическое оправдание войны. Приложением к статье являются малоизвестные заметки П. С. Юшкевича, А. И. Введенского и М. Н. Самсонова, посвященные В. Виндельбанду и опубликованные в газетах октября 1915 г.

Ключевые слова: неокантианство, первая мировая война, национализм, религиозный универсализм, В. Виндельбанд, А. И. Введенский, С. И. Гессен, М. Н. Самсонов, С. Л. Франк, П. С. Юшкевич, Б. В. Яковенко.

A. A. Ermichev

THE RUSSIAN PRESS ON THE DEATH OF WILHELM WINDELBAND

The article analyses the publications in the Russian press dedicated to the memory of the German philosopher Wilhelm Windelband (passed in October 1915). Russian neo-Kantians B. V. Yakovenko and S. N. Hessen observe the originality of certain ideas introduced by Windelband in the development of European philosophy. From the positions of onto-epistemology S. L. Frank regarded the normative idealism of Windelband with criticism and highly negatively evaluated thinker's nationalistic justification of the war. The little-known notes of P. S. Yushkevich, A. I. Vvedensky and M. N. Samsonov, dedicated to Windelband and published in October 1915 are to be found in the appendix to the article.

Keywords: neo-Kantianism, First World War, nationalism, religious universalism, W. Windelband, A. I. Vvedensky, S. I. Hessen, M. N. Samsonov, S. L. Frank, P. S. Yushkevich, B. V. Yakovenko.

* Ермичёв Александр Александрович, доктор философских наук, профессор, Русская христианская гуманитарная академия; 7723516@gmail.com

В газете «Русские ведомости» — кадетской, сориентированной на ценности европейской культуры — в рубрике «Иностранные телеграммы» 16 октября 1915 г. появляется следующее сообщение: «Копенгаген (От нашего корреспондента), 14 октября. Скончался философ Виндельбанда».

Имя В. Виндельбанда было хорошо известно не только русскому студенчеству — историкам, философам и юристам, изучавшим философию в университетах, но и гимназистам, которые тоже осваивали философию. При подготовке к экзамену по истории философии не было лучше его двух книг «История древней философии» и «История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками». Обе книги с 1893 по 1913 г. вышли четырьмя изданиями. Перевели «Истории» В. Виндельбанда слушательницы Высших женских курсов в Петербурге под редакторским руководством заведующего кафедрой философии Петербургского университета Александра Ивановича Введенского. В своем «Предисловии» ко второму изданию «Истории древней философии» он с удовольствием написал, что две тысячи экземпляров перевода разошлись менее чем за четыре года, а требования на книгу поступали постоянно.

Инициатором перевода этих книг (и тогда же — переводчицей) была Екатерина Ивановна Максимова (1857–1905) — слушательница Санкт-Петербургских Высших женских курсов и потом их преподавательница. А. И. Введенский в прочувствованном некрологе Е. И. Максимовой аттестовал ее как первую из русских женщин, вообще занимавшихся преподаванием философских наук и первой, которая преподавала их в высшем учебном заведении.

Не только у студентов и гимназистов, но и у отечественных философов — как профессионалов, так и «философствующих публицистов» — имя В. Виндельбанда было предметом особого внимания. Это вполне объяснялось их общим заинтересованным отношением к расцвету немецкой философии в конце XIX — начале XX вв., подогреваемом постоянным ощущением какого-то его кризисного финала. Надежды, связанные с расцветом, и опасения возможного кризиса возлагались, в первую очередь, на неокантианство — наиболее совершенный результат этого процесса.

В сущности, значительная часть трудов и энергии русских философов и социальных мыслителей этого времени была употреблена на разбирательство неокантианских идей и их применения к общественным, культурным и собственно философским процессам. Об этом говорит постоянно демонстрируемая вражда религиозных философов и философов-марксистов (и материалистов и позитивистов) к Канту и к тем, кто «преодолевал» Канта (здесь имелось в виду неокантианство то Марбургской, то Баденской школ), но не так, как надо. Не о том ли свидетельствовала поднятая В. Ф. Эрном шумиха в связи с выходом первой книги русского издания «Логоса», попытка «Пути» подготовить сборник, направленный против немецкого идеализма, долгая работа Е. Н. Трубецкого над «Метафизическими предположениями познания»? Знаменитая «махомания в стане марксистов» имела к этому самое прямое касательство.

Вот тогда-то, в конце XIX — начале XX вв. русская молодежь едет учиться философии в Германию, о чем энергично высказался Андрей Белый: «...был организован настоящий экспорт юношей в Марбург и Фрейбург, где маститые

минотавры съедали их без остатка и ими распоряжались...» [1, с. 272]. О том, как маститый «минотавр «В. Виндельбанд «съедал» русских студентов, с любовью и с уважением рассказал Ф. А. Степун в своих знаменитых воспоминаниях.

Возвратившись на родину, ученики Г. Когена, В. Виндельбанда и Г. Риккорта существенным образом меняли ландшафт отечественной философии — началось взаимное проникновение традиционного, религиозно-онтологического, и нового, трансцендентно-идеалистического, направлений русской мысли, образцами чего стали книги С. Л. Франка, И. А. Ильина, Н. О. Лосского, Б. П. Вышеславцева и др.

Первая мировая война развела русских и немецких философов. На заседании Московского Психологического общества в феврале 1915 г. сообщалось, что по распоряжению г. Министра народного просвещения из его состава были исключены как германские подданные теперь уже бывшие его почетные члены В. Виндельбанд, В. Вундт, О. Кюльпе, И. Ремке, а также четыре члена-корреспондента — Г. фон Равенсбрук, М. Дессауэр, А. Байерсдерфер, Ш. фон Нотцлит.

Но и то следует признать, что позиции, занятые немецкими учеными в войне, и сегодня представляются опасными и возмутительными. Девяносто три из них — цвет немецкой науки — 4 октября 1914 г. подписали обращение «К цивилизованному миру», в котором целиком и полностью и во всем оправдывались военные действия Германии. Но было и другое существенное: в обращении утверждалось, что немецкий милитаризм и немецкая культура суть одно и то же! Своих западных соседей интеллектуалы упрекали за то, что они подстрекают монголов и негров (читай — русских и сербов) против белой расы. К великому огорчению русских гейдельбержцев это обращение подписали немецкие философы — В. Вундт, В. Освальд, А. Риль и уважаемый ими Виндельбанд. Далее было страшней. Через две недели еще четыре тысячи четырехста преподавателей немецкой высшей школы поддержали это выступление.

Насколько известно, в русской печати появилось несколько откликов на кончину В. Виндельбанда: уже в октябре 1915 г. «Северные записки» в разделе «Памяти умерших» печатают статью С. И. Гессена, в ноябре того же года в «Русской мысли» в разделе «В России и за границей» появилась заметка С. Л. Франка и, наконец, в 1916 г. в сдвоенной 132/133 книге «Вопросов философии и психологии» — большая статья Б. В. Яковенко. Все они проходили философскую школу в Германии, немецкую философию знали очень хорошо и тонко чувствовали атмосферу ее повседневной жизни. Как своего учителя Гессен и Яковенко лично знали В. Виндельбанда, а Франк превосходно перевел его лучшую книгу — «Прелюдии» (1904).

Наиболее академичной из этих трех публикаций следует признать статью Б. В. Яковенко. В ней названы и положительно оценены основные новационные содержания о философском творчестве В. Виндельбанда — проблемно-понятийное рассмотрение историко-философского процесса, нормативная интерпретация Канта, различие объективной и субъективной достоверности познания, учение об отрицательных суждениях и основаначалах логики, наконец, предложенная им классификация наук. Б. В. Яковенко пишет о высоком мастерстве Виндельбанда-педагога и только в заключении статьи, отделенном

звездочками от основного текста, позволит себе жесткую критику культурно-политической позиции В. Виндельбанда военного времени.

Один из лучших учеников Г. Риккерта, С. И. Гессен в своем некрологе тоже говорит о новизне философских прозрений Виндельбанда, но акцентирует внимание на том, как коллеги развивают его идеи до степени теории (Г. Зиммель, Г. Риккерт, Э. Лоск). «Для Виндельбанда, — оценивает С. И. Гессен, — характерна была эта промежуточная роль зачинателя философского движения» — того, кто находит проблему, намечает ее решение, но само оно достигается другими. «Чем же объяснить такое обилие новых мыслей, такую кипучесть творческой фантазии и такое бессилие дать им систематическое развитие?» — спрашивает автор. «Вероятнее всего — отсутствием воли к творчеству. Ученик одного из самых систематических мыслителей — Лотце, Виндельбанд не ощущает в себе должного размаха и смелости для систематического творчества. Он чувствовал себя эпигоном. Несмотря на всю парадоксальность этого утверждения, можно с известным правом сказать, что Виндельбанду мешала чрезмерная глубина и совершенно исключительная его историко-философская образованность. По сравнению с отмеренной ему смелостью творческого устремления он слишком много понимал и много знал. Его давил груз историко-философского знания. Поэтому будучи вначале своей литературной и профессорской деятельности во главе философского движения, он к концу своей жизни, как-то отошел в сторону от большой дороги современной философии» [3, с. 222].

Так случилось, что книга С. Л. Франка «Предмет знания», в которой он прочно закрепляется на позиции онто-гносеологизма, вышла в свет на последней неделе августа 1915 г., всего за полтора месяца до кончины В. Виндельбанда. Это обстоятельство не могло не сказаться на содержании его заметки о немецком коллеге. Если прямые последователи неокантианства Б. В. Яковенко и С. И. Гессен скорее констатировали те или иные элементы философских взглядов В. Виндельбанда, то обретенная С. Л. Франком теоретическая платформа предложила ему прочные основания для критики и неприятия неокантианского гносеологизма и нормативизма. Длившаяся уже более года война давала философу возможность, так сказать, применить свой онтологизм на практике социального движения. Он увязывал «умаление» идеалистического и религиозного духа Германии с социально-политическими и культурными процессами, свойственными ей в последней трети XIX — начале XX вв. Из всего написанного о почившем заметка С. Л. Франка, помещенная в 11-й книге «Русской мысли», была самой критичной.

Оказалось, что даже всеми хорошо принятую «Историю древней философии» С. Л. Франк считает «педагогически мало целесообразной». К тому же в ней нет «адекватного интуитивного понимания и значения основных учений античной мысли» — особенно Анаксагора и Платона с неоплатонизмом. Другая история философии Виндельбанда, заявленная автором «в ее связи с общей культурой», соприкасается с культурой только в заголовке на обложке. Вполне приемлем для С. Л. Франка учебник истории философии как истории проблем, но на русском он дан в плохом переводе (См.: [5, с. 20]).

С. Л. Франка интересует не Виндельбанд-историк философии, а Виндельбанд-преобразователь Канта, «основатель и вождь особой школы современного

неокантианства» [5, с. 21]. Но как раз в этом качестве он и неприемлем. Если у Канта этика является путеводителем в мир трансцендентного, то у Виндельбанда нравственность, напротив, становится основой всего философского мировоззрения, причем так, что и теоретическая истина и идея безусловного Существа оказываются вторичны «от первичного начала должноствования» нравственной ценности.

Критические претензии С. Л. Франка не были этим исчерпаны. Неприемлемо еще то, что пустую форму нравственной ценности Виндельбанд наполняет обязанностью для человека выявлять и укреплять «стихийные основы национальной культуры», а далее — ее совершенствовать. Так национальная культура обретает абсолютную ценность. Далее С. Л. Франк цитирует статью Виндельбанда «О принципе морали» из его «Прелюдии»: «Мы нисколько не колеблясь, выражаем одобрение, когда европейское общество при помощи своей цивилизации, при помощи огнестрельного оружия и броненосцев физически и морально разрушает один «дикий» народ за другим и постепенно стирает с лица земли. Этим нашим одобрением мы освящали бы лишь грубое право силы, если бы не были убеждены, что победоносное общество является носителем высшей нравственной ценности» [5, с. 22].

Относительно этого пассажа Виндельбанда переводчик тогда же, в 1904 г., заметил: «Для непредубежденного нравственного сознания, не может быть никакого сомнения, что физическое и моральное разрушение целых народов ни при каких условиях не заслуживает одобрения» [2, с. 264]. Общественным взглядам Виндельбанда, замечал он, свойственны черты «доктринерства и филистерства».

Таким образом, С. Л. Франк поставил свою заметку в контекст бурных споров о характере немецкой культуры, которая, к изумлению русского читателя, была потеснена агрессивным и жестоким милитаризмом. В этих обсуждениях С. Л. Франк принял активнейшее участие. Но сейчас, лишь упомянув о подписи В. Виндельбанда под манифестом 93-х, С. Л. Франк упрекает его за то, что он не дал философски обоснованного ответа на требования времени, когда теоретически признаваемую объективную общеобязательную истину нужно было согласовать с фактом убийственного противостояния на полях сражений.

Эта антиномия стала центральной проблемой выступлений С. Л. Франка 1914–1916 гг., в которых он пояснял свое отношение к «духовной сущности Германии». Будучи религиозным философом, он знал, что любое национальное бытие есть одно из проявлений Абсолюта, и не мог соглашаться с утверждением о Германии как воплощении зла.

Напротив, Виндельбанд, «слабой стороной» которого были «его суждения по общественным вопросам» (такой была оценка С. Л. Франка), не почувствовал такого антиномизма и пошел на поводу «общераспространенных верований его среды и народа» [5, с. 22].

Таковыми верованиями со времени, когда Германия вступила на путь материалистической цивилизации, а особенно со времени Бисмарка и франко-прусской войны, стали национальный эгоизм и поклонение мощи государственного механизма. При этом немцы, руководствуясь «сверхлично-нравственной волевой энергией, которая выражена в кантово-шиллеровой формуле “ты

должен, следовательно, ты можешь» [4, с. 10], вносят в свои верования силу религиозного воодушевления и, уже не замечая «безнравственности своего общего мирозерцания», превращаются в идолопоклонников.

С. Л. Франк увязывает эти процессы с ускоренными темпами становления материалистической цивилизации в Германии и, конкретнее, с политикой Бисмарка и победой во франко-прусской войне. Злой дух, овладевший Германией, — это культ практического материализма в отношении национального целого. В этом С. Л. Франк видит специфическую черту мировоззрения воюющих немцев.

Но он не выносит окончательного приговора ни Германии, ни Виндельбанду. Мыслитель верит в общеевропейское будущее и в сохранность «живых и глубоких сил германского духа» [6, с. 27]. Поручкой тому является «величайшее достижение» человечества — установление понятия «категорического императива», открытие нравственности как свободно, внутренней силой самой личности признаваемого и осуществляемого и «вместе с тем безусловного веления» [4, с. 17].

Что касается Виндельбанда, то он был одним из тех, кто во времена застоя позитивизма и материализма в европейском сознании стал говорить о возвращении к идеализму Канта. Эти его заслуги и сегодня делают философа одним из первых робких и непоследовательных зачинателей грядущего духовного обновления Германии.

* * *

Три русских газеты тоже откликнулись на смерть В. Виндельбанда. Ниже статьи, в них появившиеся, приводятся по времени их публикации. В петроградской газете «День» 17 октября (№ 286 (1084), с. 6) появилась заметка марксиста и эмпириосимволиста П. С. Юшкевича, в советское время более известного по его критике в книге В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». В другой столичной газете — «Биржевые ведомости» — 18 октября (№ 1515, с. 7) была опубликована небольшая статья автора «русского доказательства критицизма» и руководителя кафедры философии Петроградского Императорского университета А. И. Введенского. 20 октября в московских «Русских ведомостях» (№ 240, с. 6) о Виндельбанде написал психолог, философ и эстетик, приват-доцент Московского университета и преподаватель Высших женских курсов Н. В. Самсонов.

П. С. Юшкевич
В. ВИНДЕЛЬБАНД (1868–1915)

В литературном наследии, оставленном В. Виндельбандом, значительное по объему место занимает его историко-философские работы: том «История древней философии», два тома «Истории новой философии», книжка о Платоне и пр. Его самостоятельное философское творчество исчерпывается книгой «Прелюдий», состоящей из ряда блестящих речей и статей, *essai*’ов на разные философские темы — и небольшим количеством очерков, в большинстве случаев по вопросам логического характера («системе категорий», «К учению об отрицательном суждении», статья о принципах логики в издаваемой Руге «Энциклопедии философских наук» и т. д.) И однако эти немногочисленные и невеликие по размерам работы оказали значительное влияние на ход философской мысли в Германии за последние десятилетия. Причину этого надо искать в той своеобразной, изящной и стройной форме, которую Виндельбанд сумел придать философии Канта, этому позвоночному столбу германской и вообще европейской философии XIX в. Виндельбанд кантианец, в том смысле, что для него истинная философия есть критическая философия. Но в его истолковании критицизм представляет значительные особенности. Философия, по Виндельбанду, отличается от прочих наук не количественно, не по степени, а качественно: все отделения науки занимаются суждениями, философия же имеет своим предметом оценки. Философия есть критическая наука об общеобязательных ценностях. «Она спрашивает, существует ли наука, т. е. мышление, обладающее необходимой и обязательной для всех познавательной ценностью; она спрашивает, существует ли мораль, т. е. воля и деятельность, обладающая необходимой и обязательной для всех нравственной ценностью; она спрашивает, существует ли искусство, т. е. созерцание и чувствование, обладающее необходимой и обязательной для всех эстетической ценностью». Так как, по мнению Виндельбанда, существует лишь три вида оценок, претендующих на всеобщность и обязательность, — именно оценки, связанные с понятием истинного и ложного, хорошего и дурного, прекрасного и безобразного, то возможны в полном соответствии с тремя кантовскими «Критиками», лишь три собственно философских дисциплины: логика, этика и эстетика. Ставя в центр своего понимания философии нормативное понятие ценности, Виндельбанд, естественно, приходит к необходимости для философии телеологической точки зрения. «Теоретическая философия, говорит он, не может доказать своих аксиом; ни так называемые законы (в газетном тексте это слово

пропущено. — А. Е.) мышления формальной логики, ни основные принципы всякого миропознания, развивающиеся из категорий, не могут быть обоснованы никаким опытом; но логика может сказать каждому: если ты хочешь истины, то 'уясни себе', что ты должен признать значение этих норм, чтобы твое желание могло исполниться.

Практическая философия не может ни добыть нравственных правил при помощи всесторонней индукции, ни вывести их из каких-либо теоретических данных метафизики, психологии или обществоведения; но этика может обратиться к каждому со следующей аргументацией: ты убежден, что есть абсолютное мерило, согласно которому должно определяться, что хорошо и что дурно; итак, уясни себе свое убеждение, и ты поймешь, что оно возможно лишь в том случае, если признать непреложность значения некоторых норм». Так же непригоден описательный метод в эстетике: «Признание аксиом повсюду обусловлено целью, которая предполагается данной, в качестве идеала для нашего мышления, хотения, и чувствования». Таким образом, критицизм Виндельбанда — филологический критицизм, с ясно выраженной волюнтаристической окраской. В своем устремлении к волюнтаризму, Виндельбанд стоял не одиноко, разделяя его с значительным числом философов и психологов нашего времени. В лекциях «Философия в немецкой духовной жизни XIX столетия» Виндельбанд остроумно связывает волюнтаристический поворот психологии с веяниями времени, «реализм которого, радостно рвущийся к созидательной работе и направленный на фактическое, характеризуется всюду сильной волевой жизнью, лихорадочным повышением активности и могучим действием страсти». Для могучей империи, основанной Бисмарком, для страны, превращавшейся в неудержимом развитии в промышленное государство и рвавшей все прежние рамки своей деятельности, требовалось крайнее напряжение всех сил, энергичная деятельность, практическое созидание. Для выполнения таких задач нужна была, конечно, интеллектуальная выучка, но в новой жизни народа должна была требоваться и цениться особенно воля, обязательная быть деятельной и созидающей.

В философских воззрениях Виндельбанда важна еще одна черта: в отличие от Г. Когена и его школы, ориентирующих философию на математическом естествознании, Виндельбанд подчеркивает огромную роль истории. В замечательной речи «История и естествознание» (произнесенной 1 мая 1899 г. при вступлении в должность ректора Страсбургского университета), Виндельбанд установил различие между двумя группами наук: номотетическими и идеографическими, из которых первые ищут в реальном мире общего (в форме закона природы), вторые — единичного в его исторически обусловленной форме. Одни — науки о законах; другие — науки о событиях; первые учат тому, что всегда имеет место, вторые — тому, что однажды было. Эта теория, развитая Виндельбандом с присущей ему изящной и строгой сжатостью, была потом разработана Риккертом в его толстой книге о «Границах естественнонаучного образования понятий».

А. И. Введенский
В. ВИНДЕЛЬБАНД

Умер профессор философии гейдельбергского университета Вильгельм Виндельбанд. В его лице сошел в могилу один из виднейших представителей немецкого неокантианства, оказавший глубокое влияние на современные течения германской философии. Известен тот факт, что в настоящее время в Германии наиважнейшую роль играют две философские школы: марбургская, сгруппированная Когеном, и фрейбургская, во главе которой стоит Риккерт. И все отличительные особенности фрейбургской школы уже были высказаны Виндельбандом в их основных чертах. Так, вся построенная Риккертом философия истории имеет своим отправным пунктом речь «История и естествознание», произнесенную Виндельбандом на университетском акте еще в 1894 г. В ней Виндельбанд уже охарактеризовал историю, как идиографическую, т. е. описывающую единичное, а естествознание как науку номотетичную, т. е. устанавливающую общие законы, и уже подчеркнул, что из общих законов невыводимо единичное. Последнее можно только описать как фактически данное, но нельзя вывести из общего. Даже и так называемый нормативизм фрейбургской школы заложен в работах Виндельбанда. В его «Прелюдиях» (переведенных на русский язык С. Л. Франком) уже встречается понимание истины как самодовлеющей ценности, предписывающей нашему уму определенные нормы деятельности, подобно тому, как добро служит самодовлеющей ценностью и предписывает нашей воле нравственные нормы. Обыкновенно же понимают истину не как согласие мысли с какими-либо самодовлеющими нормами, но как ее согласие с действительностью.

Особенно же Виндельбанд прославился своими трудами по истории философии. Из них важнейшие были переведены на русский язык. Раньше всего появились в переводе под редакцией автора этих строк «История древней философии», которая сразу же завоевала себе место как прекрасное университетское пособие. Этим, однако, не исчерпывается историографическое значение этого труда. Дело в том, что Виндельбанд выступил здесь вполне самостоятельно с трактованием историко-философских вопросов и культурно-исторической точки зрения. Несмотря на спорность вопроса о совершенстве осуществления Виндельбандом своей задачи, оригинальность его приема вне сомнений.

Менее выдержанно проведение той же точки зрения у Виндельбанда в его «Истории новой философии», вышедшей в русском переводе в трех изданиях под той же редакцией, как и «История древней философии».

Представляет также большой интерес «История философии» Виндельбанда, в которой исторический материал распределен по проблемам, выдвигавшимся культурными отношениями различных исторических эпох. Равным образом, пользуется известностью монография Виндельбанда о Платоне.

Виндельбанд родился в 1848 г. Свою профессорскую деятельность он последовательно развивал в Цюрихе, Фрейбурге, Страсбурге и Гейдельберге, где он закончил свои дни. Весьма знаменательно, что наиболее активную эпоху своей профессорской деятельности Виндельбанду привелось посвятить

Страсбургскому университету, где германскому правительству, стремящемуся онемечить завоеванную провинцию, удалось сосредоточить весьма крупные ученые силы, блестящие, между прочим, такими именами, как философ Виндельбанд и государствовед Лабанд. Вполне естественно, что после усердной службы насильственному внедрению германизма в завоеванные массы Виндельбанд не побоялся опозорить свое имя, подписав прошлогоднее лживое и лицемерное воззвание 93 германских ученых и литераторов «К культурному миру», на что не решился не только Коген, но и близкий по своим взглядам к Виндельбанду Риккерт. Да простит Господь ему этот поступок!

Н. В. Самсонов

ВИЛЬГЕЛЬМ ВИНДЕЛЬБАНД. СКОНЧАЛСЯ 14 ОКТЯБРЯ 1915 г.

Среди великих мировых событий переживаемого нами тяжелого времени смерть многих не только выдающихся, но даже великих людей проходит, не всегда оставляя после себя заметный след. Но и в столь далекую от сферы чистой мысли эпоху нельзя не отметить смерть выдающегося философа Виндельбанда, пользующегося широкой популярностью и в России.

Относительно его жизни пока известны лишь внешние факты: Виндельбанд родился в Страсбурге в 1818 г., наибольшее влияние на его философское развитие оказали Куно Фишер и Рудольф-Герман Лотце, с 1876 г. получил кафедру в Цюрихе, в 1877 г. перешел во Фрейбург, в 1882 в Страсбург и, наконец, в 1903 г. стал преемником знаменитого учителя своего, Куно Фишера, Гейдельберге.

Виндельбанд был одним из наиболее одаренных представителей современного неокантианства. Значение его в истории мысли основано на своеобразной переработке и оригинальном освещении философии Канта. С большой силой убеждения доказывал Виндельбанд (напр., в своей «Философии в умственной жизни в Германии XIX стол.»), что всякая философия и по духу, и по букве дышит жизнью своего времени, и гальванизировать системы прежних времен невозможно. Философ (как и художник) может следовать отвечающему его духовному складу направлению минувшего времени, но лишь для того, чтобы приспособить его к жизни и задачам настоящего. Так именно и отнесся Виндельбанд к Канту: проникшись духом критицизма, пережив его в себе, он, так сказать, породил систему Канта с запросами современного философского образования, своеобразно переработал ее внутренне и, очистив в ней то, чему суждено жить вечно, от громоздкой, во многом схоластической и чисто внешней формы, приданной критицизму самим творцом; как бы вновь дал кантианство, при том в художественно законченной форме.

Жизненным нервом философии Виндельбанда является убеждение в том, что всякий релятивизм равен совершенному отказу от философии, духовной смерти философа. Философия мыслима лишь как учение об общезначимых ценностях. Понятая таким образом философия отмежевывается от области

социальных наук, к которым Виндельбанд относит и психологию, она не будет более вторгаться в их область и видеть свою задачу лишь в синтезе данных, выработанных специальными дисциплинами. Философия обретает, таким образом, свою собственную область и оригинальную задачу в тех общезначимых ценностях, на которых зиждется всякая культурная деятельность. Эти ценности философия обсуждает не как факты, а как нормы. Поэтому и задачу свою философия должна осуществлять как законодательство, не как произвольный, ею диктуемый закон, но как закон разума, который она преднаходит (ибо философия — «зеркало жизни, самосознание развивающейся культуры и жизни») и осмысливает (сравн. *Gesch.d.Phil.* II, 548).

Виндельбанд был также одним из самых выдающихся и притом оригинальным историком философии. Понимание философии как «самосознания развивающейся культурной жизни» (налет гегельянства, переданный Виндельбанду Куно Фишером) приводит его к стремлению представить историю философии не только как диалектический процесс выявления идей, логического их преемства, но и связать ее с другими факторами общего исторического процесса, и читатель его произведений научается объединять историю философии с другими областями истории в одну цельную картину исторического процесса. В осуществлении такого синтезирующего обзора духовных течений Виндельбанду немало помогало его достаточное для философа знакомство с естествознанием (ядовитое замечание Вундта в его «Введении в философию» по поводу главного труда Виндельбанда «История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками»: «Связь с культурой и отдельными науками только в заглавии явно несправедливо»).

Все важнейшие сочинения Виндельбанда имеются в хороших русских переводах: «История древней философии» под ред. проф. Введенского; «Платон», СПб., 1909; «История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками», два тома, СПб., 1902; отдел о Канте из этого сочинения вышел также отдельной книгой «Философия Канта», СПб., 1895; «История философии» пер. Рудина, СПб., 1898 (не нужно смешивать это произведение с двухтомной «Историей новой фил. в ее связи» etc; «Философия в умственной жизни Германии XIX стол.» М., 1910 (блестящее по изложению популярные лекции); «Прелюдии», философские статьи и речи, СПб., 1904. В приложении к «Прелюдиям» дана и знаменитая актовая речь Виндельбанда в 1894 г. «История и естествознание», в которой он, касаясь столь обострившегося в последнее время вопроса методологии истории, резко противопоставляет науки о духе («исторические») наукам о природе: «Для естествоиспытателя отдельный данный объект его исследования, сам по себе взятый, никогда не имеет научной ценности... для историка же задача состоит в том, чтобы вновь воскресить к идеальной действительности любые образы прошлого в их индивидуальной форме». Статья «Новая философия» в коллективном труде «Общая история философии», том 2-й, СПб., 1912.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андрей Белый. Между двух революций. — М., 1990.
2. Виндельбанд В. Прелюдии. Философские статьи и речи / пер. со 2-го нем. изд. С. Франка. — СПб.: Изд. Д. Е. Жуковского, 1904.
3. Гессен С. И. Вильгельм Виндельбанд. Некролог // Современные записки. — 1915. — Кн. XI. — С. 220–223.
4. Франк С. Л. О духовной сущности Германии // Русская мысль. — 1915. — Кн. X, pag. 2. — С. 1–18.
5. Франк С. Л. Вильгельм Виндельбанд // Русская мысль. — 1915. — Кн. XI, pag. 2. — С. 20–23.
6. Франк С. Л. Мобилизация мысли в Германии // Русская мысль. — 1916. — Кн. IX, pag. 3. — С. 20–27.